

Я приехал на родину, где не был лет тридцать; ступил на эту землю, как, может быть, ступают куда-то, перелетев через Время; ступил в ожидании чуда - с замершим в груди восторгом, который всплеснется, как только увидишь нечто из прошлой жизни, нечто, не раз снившееся.

Низенький поселок судоремонтного завода на левом берегу Вятки. Западный высокий и лесистый берег, который еще до наступления вечера накрывает огромной тенью и селение, и затон, и луга за ним... Серые бревенчатые стены домов, наличники... Ветерок треплет березу у невысокого обелиска павшим в Отечественную войну...

Я сказал тетке, у которой гостил, что пойду "на ту сторону" - так назывались заливные по весне луга за затоном. Перешел затон по мостику и оказался среди колючих кустов ежевики. Потом, с горстью кислых, чернильно пачкающих ладонь ягод, пошагал по лугу, уставленному там и сям стожками сена.

Солнце уже нависло над острыми верхушками елей на западном берегу, согревая последним теплом луг и стога сена. Неизвестно, что заставило меня подойти к стожку и обнять его, припасть к нему, уткнувшись лицом в теплое и душистое сено, но я сделал это и несколько минут стоял так, вдыхая неповторимый аромат высохших трав. Были в нем, кроме всего, и запахи парного молока, и самой коровы, и сеновалов детства, где кувыркались, делали ходы, просто лежали, раскинув руки...

Луга здесь неровные, часто попадаются низинки. По весне, когда вода на реке спадает, они превращаются в озерца, полные мальков; озерца постепенно высыхают, подростую рыбу можно тогда ловить даже корзинами.

Луга перемежаются дубнячками, где детвора военной поры собирала желуди для свиней, а то и для пекарен (желудевую муку добавляли к хлебу), и искала птичьи гнезда, среди них попадались и утиные - вот был подарок к бедному столу военных лет!

А еще на этих лугах объедались черемухой, собирали дикий лук для домашних пирогов, полевую клубнику и землянику. Ягоды, естественно, съедались еще до дома, если только там не ждали младшие брат или сестра.

Здесь играли, зорили осиные гнезда, набирали пышные букеты луговых цветов - ромашек, ирисов, гвоздик, жгли костры, пекли картошку, рассказывали, когда темнота за спинами сгущалась все больше, страшные истории...

Все это я и вспоминал, оглядывая луга и перелески, силясь отыскать хоть одно знакомое с дальних времен место. Я спускался в давно уже высохшие низинки, шарил в траве в поисках клубники, находил жесткий, отцветший уже лук - и все больше погружался в зеленое царство своего детства, щедро и навсегда наградившее меня любовью к деревьям, травам, цветам.

Чувство восторга, поначалу только гнездившееся в груди, ширилось, нарастало, охватывало меня всего - и уже сами собой выговаривались какие-то слова, хотелось кричать, бегать...

И вдруг я услышал из ближайшего перелеска впереди странные звуки. Звонки, детские голоса, смех. Там, в дубнячке, либо стояла карусель (откуда она здесь?), либо дети катались на велосипедах, изо всех сил звоня друг дружке, чтобы не столкнуться. Я остановился, прислушался. Так оно и есть - карусель или велосипеды. Какие-то веселые колокольчики. И детские голоса.

Я сначала пошел к перелеску, потом побежал, потому что стало казаться, что звонки удаляются, велосипеды уезжают по мере того, как я приближался к ним. Дубрава оказалась безлюдной, и ничто не говорило в ней о том, что только что здесь были дети. Я пробежал ее всю и снова очутился на лугу - а звонки и голоса стали раздаваться уже из перелеска, что был метрах в пятидесяти.

Мне во что бы то ни стало хотелось увидеть этих детей, и я быстро пересек не кошенный еще луг. Но и там, среди деревьев, не было ни одного человека. А детские голоса, чудесно переместившись, звенели из дубравы, маячившей впереди.

Что это?! Кто заманивает меня в глубь лугов, не подпуская к себе ни на шаг? То ли просто не хотят, чтобы я увидел их, то ли так играют. То ли...

Последнее предположение ошеломило меня. Я хотел было двинуться к очередной дубовой рощице, откуда снова доносились детские голоса и смех, но догадка остановила меня. Я понял, что никогда не догоню этой веселой карусели, никогда не увижу ее. Она всегда уже будет от меня на расстоянии пятидесяти метров и лет, лет, лет...

По В.А. Чиркову